

Зорина Зоя Георгиевна, Карташова Елена Павловна, Бердинская Ирина Арсеньевна

О ЛИШИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Предмет исследования в статье - это лишительный падеж в горномарийском языке; он представлен в контексте разных словоформ с абессивным элементом и в сравнении с аналогичными явлениями в других финно-угорских, а также тюркских (чувашском и татарском) языках. Подробно рассматривается история изучения вопроса о форманте (показателе) абессива -де. Авторами впервые проанализированы имеющиеся в отечественной и зарубежной лингвистической науке подходы к исследованию абессива в горномарийском языке с точки зрения их актуальности и возможностей использования при доказательстве уникальности горномарийского языка в плане представленности в нем абессивных форм.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 115-118. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 10.06.2017).
14. **Саидова А. М.** Аварские пословицы и поговорки [Электронный ресурс] / на аварском языке. URL: <http://www.avaruchitel.ru/folklor/poslovici/40-kicabi.html> (дата обращения: 12.06.2017).

SOME ISSUES OF THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PEJORATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN AND AVAR LANGUAGES

Dibirov Ibragim Ashrapudinovich, Doctor in Philology, Professor
Makhmudov Khadzhimurat Akhmaduevich
 Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
 ibragim.58.58@mail.ru; mahmoodow@yandex.ru

This article deals with the peculiarities of the functioning of the category of pejorativity in the Avar language in comparison with the Russian language. The contrast-comparative analysis of the examples of the use of pejoratives in the Avar and Russian languages is conducted, the negative-evaluative connotation of which is aimed at violating social and moral norms by a human being. The main content of the research is the differentiation of discrepancies in the connotation of the same phenomenon, typical of the phraseological units of the most different languages both in structure and typology. In the article differences in the methods of verbalization of the same phenomena and actions by means of both languages are revealed. The attempt to assess and state the views on the process of the transition of negative connotation to the negative-evaluative one is defined as a research task by the authors.

Key words and phrases: comparative linguistics; negative evaluative nature; pejoratives; phraseological units; emotiveness.

УДК 811.511.151

Предмет исследования в статье – это лишительный падеж в горномарийском языке; он представлен в контексте разных словоформ с абессивным элементом и в сравнении с аналогичными явлениями в других финно-угорских, а также тюркских (чувашском и татарском) языках. Подробно рассматривается история изучения вопроса о форманте (показателе) абессива -де. Авторами впервые проанализированы имеющиеся в отечественной и зарубежной лингвистической науке подходы к исследованию абессива в горномарийском языке с точки зрения их актуальности и возможностей использования при доказательстве уникальности горномарийского языка в плане представленности в нем абессивных форм.

Ключевые слова и фразы: финно-угорское языкознание; горномарийский язык; луговомарийский язык; абессив; лишительный падеж.

Зорина Зоя Георгиевна, д. филол. н., профессор
Карташова Елена Павловна, д. филол. н., профессор
Бердинская Ирина Арсеньевна
 Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
 zorinazoia@mail.ru; elena.karta77@mail.ru; irbis_28@list.ru

О ЛИШИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Абессив, или лишительный падеж, в горномарийском языке отвечает на вопросы *кјде?* – без кого?, *маде?* – без чего? и указывает на отсутствие какого-либо предмета или лица. Показателем лишительного падежа является *-de* (фонетические варианты *-te/-de*). Актуальность исследования абессива и его показателей определяется, во-первых, задачами системного изучения горномарийского языка, во-вторых, необходимостью определения его специфической структуры относительно луговомарийского языка. Цель данной статьи – анализ имеющихся научных мнений относительно абессива в горномарийском языке, его происхождения, абессивных формантов в рамках установления уникальности горномарийского языка в плане представленности в нем абессивных форм.

Формант абессива *-de/-te* считается древним финно-угорским суффиксом прилагательных с отрицательным или каритивным значением [15, S. 106-107]. По словам И. С. Галкина, «соответствия указанному суффиксу имеются во всех финно-угорских языках с тем же значением, но не в системе склонения, исключая прибалтийско-финские языки, а в отрицательных прилагательных и причастиях, осложненных другими суффиксами. Например: фин. *kädetön* – безрукий, *kädettä* – без руки (абессив), *voimatön* – бессильный от *voima* – сила, саам. *šalmēhtipmē* – безглазый от *šalme* – глаз, морд. *салвотомо бессольный* от *сал* – соль, манси *нялмтал* – безязыкий от *нялм* – язык, венг. *észtelen* – безрассудный от *ész* – ум, удм. *кышнотек* – без жены от *кышно* – жена, аймамтог – без родителей от *ай-мам* – родители, *пиньтем* – беззубый от *пинь* – зуб, коми *пиньтом* – беззубый от *пинь* – зуб» [2, с. 32].

Финский показатель абессива *-tta*, *-ttä* возводится обычно к более древнему суффиксу **-ttak*, **-ttäk*. Как считал Д. В. Бубрих, элемент *-k* сходен формально с суффиксом латива *-k*, однако эту связь очень трудно выяснить в настоящее время [1, с. 30]. По свидетельству Н. Г. Зайцевой, в суффиксе абессива в свое время наблюдалось чередование *tt* с *t*, но позднее победил вариант *-tt* [3, с. 87]. По мнению большинства ученых,

абессив на *-tta*, *-ttä* финского и других прибалтийско-финских языков связан с каритивным прилагательным с основой на *-toma/-ttömä* (например, *työtön* – *безработный* – *työttömän* – *безработного*), суффикс которых распадается на две части *-tto* + *-ma*, *-ttö* + *-mä* [Там же, с. 85]. В данном случае суффикс абессива в точности соответствует суффиксу каритивных прилагательных в мордовских языках (например, *салътомо* – *бессольный*). По мнению Л. Хакулинен, показатель подобных форм *-ton*, *-tön* произошел от *-ttoim* [12, s. 105]. Соответствия ему имеются во всех финно-угорских языках, возможно, даже в самодийских [13, s. 265], но в систему склонения абессив вошел только в период прафинского языка.

Что касается распространенности показателя абессива *-tt-*, то об этом подробно написал В. Таули в своей книге «Структурные тенденции в уральских языках» [16, р. 34-35]. По его мнению, в современном финском языке существует тенденция к замене старого падежного суффикса *-tta* на формы с послелогом *ilman* – *без* с тем же значением. В ливском языке абессив на *-tta* был заменен послеложной конструкцией *bäZ* (по всей видимости, заимствованной из русского *без*) + партитив, например: *bäZmäädä* – *без земли* [Ibidem, p. 34]. В эстонском и водском языках, по свидетельству В. Таули, встречается конструкция с показателем *-tt* и с послелогом *ilman* – *без*: водск. (зап.) *ilma kopeikatta* – *без копейки* [Ibidem]. Конструкция *ilman* + абессив встречается также и в вепском языке: *ilma leibata isa el'ada* – *без хлеба не прожить*.

Абессивный элемент в горномарийском языке встречается также в глаголах в отрицательной форме: *Мбӱнь лыдделам* – *Я не читал*, *Мӱ лыдделна* – *Мы не читали*; *Тбӱнь лыдделат* – *Ты не читал*, *Тӱ лыдделда* – *Вы не читали*; *Тбӱдбӱ лыдде* – *Он не читал*, *Нбӱнбӱ лыдделыт* – *Они не читали*; *Мбӱнь сирбӱделам* – *Я не писал*, *Мӱ сирбӱделна* – *Мы не писали*; *Тбӱнь сирбӱделат* – *Ты не писал*, *Тӱ сирбӱделда* – *Вы не писали*; *Тбӱдбӱ сирбӱде* – *Он не писал*, *Нбӱнбӱ сирбӱделыт* – *Они не писали*. Суффикс *-де* употребляется и в деепричастиях с отрицательным значением (отрицательный герундий) [14, s. 154], где к нему часто присоединяется усилительная частица *-ок*, например, *толдеок* – *и не приходя*; *даже не приходя*, *келесбӱдеок* – *и не сказав*; *даже не сказав* и т.д.

По предположению Н. И. Исанбаева, эти формы появились в горномарийском языке благодаря влиянию тюркских языков (чувацкого и татарского) [4, с. 175]. В качестве сравнения он приводит примеры использования татарского суффикса *söz-* и чувашского суффикса *söz*. Но, по свидетельству С. Сааринен, они являются суффиксами имен прилагательных и соответствуют скорее каритивному суффиксу *-дымы/-дбӱмбӱ*, который является вполне продуктивным в современном горномарийском языке. В связи с этим родство их с тюркскими суффиксами кажется маловероятным, тем более что падежей с собственно каритивным или абессивным значением в этих языках нет [14, s. 154].

Наиболее подробное описание происхождения показателя *-де* дал И. С. Галкин в своей «Исторической грамматике марийского языка» (1964), где он отмечает: «...относительно происхождения суффикса *-де* мнение давно установилось. <...> все финно-угроведы считают его древним финно-угорским суффиксом имен прилагательных с отрицательным (каритивным) значением. Этот отрицательный суффикс в прибалтийско-финских языках вошел в систему склонения и образовал падеж абессив (лишительный), который имел первоначальную форму на **-ttak (-ttäk)*. Ср. *rahatta* – *без денег* от *raha* – *деньги*, *kädett³* – *без руки* от *käte* – *рука*» [2, с. 31-32]. Что касается происхождения марийского показателя *-де*, то, по гипотезе И. С. Галкина и некоторых других ученых, показатель *-де* имел первоначальную форму **-tt*. В качестве падежного суффикса он стал выступать в прибалтийско-финско-пермско-вожжское время, так как показатель абессива встречается в современных прибалтийско-финских, вожжских и пермских языках. По свидетельству И. С. Галкина, «в этих языках абессив (лишительный падеж) оканчивается или оканчивался на *-m* + гласный + *-k (-ç)*... Исключение составляет мордовский язык, где абессив совпадает с отрицательным прилагательным» [Там же, с. 32]. Но вполне возможно, считал ученый, что абессив все-таки существовал в древнемарийском языке и совпадал с абессивом прибалтийско-финских и пермских языков. Ср. горномар.: *Тбӱдбӱ оксаде кодын* – *Он остался без денег* и финск. *H³n³ ei rahatta* – *Он остался без денег*.

И. С. Галкин отмечает, что абессив лучше сохранился в горномарийском языке, а в луговомарийском языке его заменил послелог *деч посна* – *без*, который является чувашским заимствованием (ср. чув. *псна* – *без*). «Былая форма **-тек (-дек)* под влиянием послелога *деке* ‘к’ превратилась в *-де (-те)*» [Там же].

Впервые лишительный падеж в горномарийском языке упоминается в грамматике М. Кастрена и обозначается термином *каритив* [10, р. 12, 14]. Каритив (или абессив) встречается и в грамматике Ф. Видеманна за 1849 год [18, S. 33], У. Вихманна [17, S. 113-117], Б. Коллиндера [11, р. 253]. Из марийских ученых первым этот падеж упомянул П. Йарускан в своей грамматике 1933 года и обозначил его как *укээмбӱш*, что означает *падеж отсутствия* (уже переводится как *нет* и обозначает отсутствие чего-либо). В указанной грамматике П. Йарускан привел следующие вопросы лишительного падежа: *кӱтэ? матэ? – без кого? без чего?* Показателем абессива выступает вариант *-те*, а не *-де*, как принято обозначать в современных грамматиках: *олматэ* – *без яблока*, *колхозтэ* – *без колхоза* [6, с. 31, 33]. Автор также указал на возможность употребления форм лишительного падежа с основой множественного числа и с притяжательными суффиксами: *олматтэ* – *без твоего яблока* (*олма* – *яблоко* + притяж. суффикс 2-го л. ед. ч. *-эт* + показатель абессива *-тэ*), *мӱэмтэ* – *без моего меда* (где *мӱ* – *мед* + притяж. суффикс 1-го л. ед. ч. *-эм* + *-тэ*) [Там же, с. 36], *олмавлӱэмтэ* – *без моих яблок* (*олма* – *яблоко* + показатель мн. числа *-влӱ* + притяж. суффикс 1-го л. ед. ч. *-эм* + *-тэ*) [Там же, с. 37], *кидвлӱдӱдӱдэ* – *без ваших рук* (*кид* – *рука* + показатель множественности *-влӱ* + притяж.суффикс 2-го л. мн. ч. *-дӱ* + *-дэ*) [5, с. 49].

Однако в 1956 году Н. Т. Пенгитов признал словоформы с суффиксом *-де (-те)* наречиями. Он был не согласен с точкой зрения М. Кастрена, Ф. Видеманна и У. Вихманна. По его мнению, формы лишительного падежа употребляются в марийских языках редко и, следовательно, лишительного падежа как такового не существует. Однако следует отметить, что эта малая распространенность касается только луговомарийского

языка. В восточном наречии марийского языка, а также в горномарийском языке эти формы с показателем *-де (-те)* встречаются довольно часто. Н. Т. Пенгитов тоже отметил это обстоятельство и привел пример абессива: *Малан книгӓде толынат? – Почему пришел без книги?* [7, с. 51]. Он указал на частую замену в лугомарийском языке абессивных форм послеложными сочетаниями со сложным послелогом *деч посна – без*. По мнению исследователя, употребление «форм типа *товарде руаш – рубить без топора, йолтаиде кодаш – остаться без товарища* с точки зрения норм современного марийского языка невозможно» [Там же]. Однако заметим, что подобные формы являются единственно возможными в горномарийском языке.

Важным обстоятельством является то, что Н. Т. Пенгитов указал на наличие показателя абессива в суффиксах относительных прилагательных (в горномарийском языке *-дымы, -дѣмбі*), образованных от имен существительных, например: *пӓшӓдѣмбі – безработный* (от *пӓшӓ – работа*), а также отрицательных причастий, образованных от глаголов, например: *уждымы – невиданный* (от глагола *ужаш – видеть* и т.д.). По предположению ученого, их можно сравнить «с суффиксами *-втом* (*-фтом*) мордовского языка, *-том* – коми языка, *-тэм* – удмуртского языка, *-тон, -тӧн, -ттота, -ттӧмӓ* – финского языка, например: марийский *пашадыме*, мордовский *работавтом*, удмуртский *ужтэм*, финский *työtön*, эстонский *työtön*» [Там же, с. 52].

Позднее в издании «Современный марийский язык. Морфология» (1961) формы с показателем *-де* были названы «падежоподобными формами имен существительных» – точно так же, как и формы сравнительного падежа на *-ла* и совместного падежа на *-ге* [8, с. 69-71]. Возможно, в лугомарийском языке они действительно являются таковыми, поскольку они встречаются редко, но горномарийские формы имен на *-де* являются определенно существительными с показателем лишительного падежа, о чем писал еще П. Йарускан в 1933 году. В его грамматике приведены убедительные примеры форм существительных в абессиве, имеющих показатели множественности и притяжательные суффиксы.

И. С. Галкин в 1964 году обозначил эти формы как наречия. Например: горномар. *хозаде – без хозяина* от *хоза – хозяин, пӓшӓде – без работы* от *пӓшӓ – работа; оксаде – без денег* от *окса – деньги*, северо-зап. *китте – без рук* от *кит – рука*. По его мнению, «в современном марийском литературном языке этот суффикс малопродуктивен: взамен его чаще употребляется сочетание имени со сложным послелогом *деч посна* с тем же значением» [2, с. 31]. Однако он отметил, что «в горном и восточном наречиях суффикс *-де* сохраняет свою продуктивность до сих пор» [Там же].

Наиболее полный вывод о существовании лишительного падежа в современном горномарийском языке делает Г. М. Тужаров. С 1970 года он утверждал, что «живым, продуктивным падежом абессив является в горном и северо-западном наречиях, а также в горномарийской литературной норме... Основная функция названного падежа имени сводится к выражению того, что отсутствует в действенной ситуации и окружающей нас действительности» [9, с. 176]. Г. М. Тужаров доказывает, что форму абессива могут принимать не только существительные, но и все склоняемые части речи вообще (причастия, прилагательные, местоимения и т.д.), например: *когоде – без большого, ышанде – без умного, амалышыде – без спящего, мырышыде – без поющего, пӓлышыде – без знающего, яратышыде – без любящего, кымытде – без трех, вӓзымышӓде – без пятого, кӓде – без кого, мӓндыде – без меня, мӓмнӓнде – без нашего, кыдыде – без которого, весӓде – без другого* [Там же, с. 176-177]. Ученый приводит факторы существования абессива в горномарийском литературном и разговорном языке: 1) существительные в абессиве могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе: *геройде – геройвлӓде – без героя – без героев, пӓргӓде – пӓргӓвлӓде – без мужчины – без мужчин* [Там же, с. 177]; 2) к абессивным формам могут присоединяться притяжательные суффиксы: *кыце билететтежӓ – как без билета-то твоего, кыце табакемтежӓ кодам – как же без табака-то моего останусь, картузетте кыш кет – без фуражки твоей куда пойдешь* [Там же, с. 178]; 3) абессивные формы могут употребляться с различными определениями (прилагательными, причастиями, числительными, местоимениями): *мӓмнӓн яжо, паян колхоздежӓ колем – я умру без нашего хорошего, богатого колхоза, седӓндон кӓзӓйт иктӓт яратымы пӓшӓде ёлен ак керд – поэтому сейчас никто не может прожить без любимой работы, шукажок нӓнӓ цӓрӓ яланвлӓ дӓ салтак шинелдеок ылыныт – многие из них были босые и без солдатской шинели, кӓзӓйт веремӓ коклы минутде кым час – сейчас времени без двадцати минут три часа* (определения не имеют показателя абессива *-де*); 4) «существительные и другие склоняемые части речи в форме лишительного падежа в северо-западном наречии употребляются с послелогом *насна*» [Там же, с. 179], например, *туде насна – без дров, имниде насна – без лошади*, что говорит о том, что абессив является полноправным падежом в прямом смысле этого слова. При этом Г. М. Тужаров отмечает, что в лугомарийском языке абессивные формы употребляются только в единственном числе, хотя и могут иметь при себе определения, а также притяжательные суффиксы, поэтому «в луговом и восточном наречиях, а также в луговосточной литературной норме абессивные формы нельзя квалифицировать как полнозначительные падежные формы» [Там же, с. 181].

Итак, анализ имеющихся в отечественной и зарубежной лингвистической науке подходов к исследованию абессива в горномарийском языке в сравнении с аналогичными явлениями в лугомарийском и других финно-угорских, а также тюркских языках позволяет сделать следующие выводы об уникальности горномарийского языка в плане представленности в нем абессивных форм: абессивные формы являются полнозначительными падежными формами существительных; существительные в абессиве могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе; абессив существует и в литературной, и разговорной форме горномарийского языка; абессив в большинстве случаев является единственно возможной и незаменимой какими-либо другими языковыми вариантами словоформой; абессивные формы активно используются в сочетании с многочисленными видами определений (прилагательными, причастиями, числительными, местоимениями).

Список источников

1. Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 187 с.
2. Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка: морфология: в 2-х ч. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. Ч. 1. 203 с.
3. Зайцева М. И. Грамматика вепского языка: фонетика и морфология. Л.: Наука, 1981. 360 с.
4. Исанбаев Н. И. Влияние татарского языка на падежную систему восточномарийских говоров // Советское финно-угроведение. 1978. № 14. С. 172-177.
5. Йарускан П. Грамматика: кырык мары йылмӧ тымӧньмӧ книгӧ / отв. ред. З. А. Алексеев. II кӧдӧж. М.: Учпедгиз, 1933. 152 с.
6. Йарускан П. Грамматика: шамак тымӧньмӧш / отв. ред. З. А. Алексеев. I кӧдӧж. М.: Учпедгиз, 1933. 116 с.
7. Пенгитов Н. Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков: введение, фонетика, морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. Ч. 1. 175 с.
8. Современный марийский язык: морфология / ред. Н. Т. Пенгитов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 325 с.
9. Тужаров Г. М. Абессив в марийском национальном языке // Советское финно-угроведение. 1983. № 19. С. 173-181.
10. Castren M. A. Elementa Grammaticae Tscheremissae. Kuopio: Ex Officina typographica J. Kastren, 1845. 72 p.
11. Collinder B. Survey of the Uralic Languages. 2. rev. edition. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1969. 552 p.
12. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs, korjattu ja lisäty painos. Helsinki: Otava, 1979. 633 s.
13. Kettunen L. E. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Toimituksia LXXXVI. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen seuran, 1943. 576 s.
14. Saarinen S. Niin sanotut marginaaliset sijat marin kaasussysteemissa // Systeemi ja poikkeama. Turku: Turun yliopiston offsetpaino, 1993. S. 147-157.
15. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig: G. J. Göschon'sche Verlagshandlung, 1910. 156 S.
16. Tauli V. Structural Tendencies in Uralic Languages / Indiana University Publications. The Hague: Mouton & Co, 1966. Vol. 17. 308 p.
17. Wichmann Y. Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss. Zweite Auflage. Helsinki: SUS, 1953. 133 S.
18. Wiedemann F. J. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache. Reval: Verlag von Franz Kluge, 1847. 272 S.

ON ABESSIVE CASE IN THE HILL MARI LANGUAGE

Zorina Zoya Georgievna, Doctor in Philology, Professor
Kartashova Elena Pavlovna, Doctor in Philology, Professor
Berdinskaya Irina Arsen'evna
Mari State University, Yoshkar-Ola
zorinazoya@mail.ru; elena.karta77@mail.ru; irbis_28@list.ru

The study focuses on the abessive case in the Hill Mari language; it is examined in the context of different word forms with the abessive element and in comparison with similar phenomena in other Finno-Ugric and Turkic (Chuvash and Tatar) languages. The paper analyzes in detail the history of studying the problem of abessive formant (indicator) *-de*. The authors for the first time consider the adopted in the domestic and foreign linguistics approaches to studying Hill Mari abessive case from the viewpoint of their relevance and potentials to prove the uniqueness of the Hill Mari language in terms of abessive form representation.

Key words and phrases: Finno-Ugric linguistics; the Hill Mari language; the Meadow Mari language; abessive; abessive case.

УДК 8; 1751; 81

В статье рассматриваются основные особенности культурно-специфического лексического состава кубинского национального варианта испанского языка, анализируются как особенности создания лексического своеобразия рассматриваемого национального варианта, в том числе вопросы заимствования лексики, продуктивных словообразовательных моделей, так и взаимодействие элементов внутри культурно значимых лексико-семантических групп.

Ключевые слова и фразы: национальный вариант испанского языка; межвариантная диалектология; вариативность; лексико-семантическая группа; словообразование; заимствование.

Игнашина Зоя Николаевна

Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ
tirroleland@mail.ru

Попова Евгения Андреевна

Московский государственный лингвистический университет
o-genia@yandex.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА
 КУБИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА**

Кубинский национальный вариант испанского языка является одним из характерных представителей карибских национальных вариантов и обладает рядом лингвокультурных черт, проявляющихся на всех языковых